

ящериц, к которым относятся круглоголовки и ящурки, в оптимальных условиях имеют обилие в пределах 10-80 особей на гектар. Среднеазиатская черепаха в оптимальных местообитаниях также имеет обилие выше 10 особей на гектар. И те и другие виды оказываются многочисленными согласно шкале обилия. Как показали наблюдения в пустынях, плотность населения обычных видов пресмыкающихся не превышает 10 особей, а редких — 1 особи на гектар. На бедных растительностью глинистых и каменистых равнинах плотность населения среднеазиатской черепахи обычно менее 1 особи на гектар. И этот вид действительно редок в местообитаниях такого типа. Привёл эти примеры с использованием балльной шкалы в зоогеографических наблюдениях для того, чтобы показать очевидную объективность и жизнеспособность идей Александра Петровича.

Спустя много лет после встречи с Александром Петровичем трудно представить, как бы сложился мой путь в профессии, если бы не его активная поддержка. Где бы ни работал: в пустынях Казахстана или Таджикистана, Ирана или Узбекистана, часто вспоминал первую поездку в поле и учителя добрым словом.

Семь небольших фрагментов воспоминаний об Александре Петровиче Кузякине с тремя лирическими отступлениями

А. А. Вахрушев

Я не был по-настоящему прямым учеником Александра Петровича, я его «научный внук» (ученик ученика Александра Петровича — Юрия Соломоновича Равкина). Тем не менее, мне повезло — я работал вместе с Александром Петровичем и под его началом. И на всю жизнь у меня сохранились яркие воспоминания об этом замечательном и всесторонне талантливом человеке.

1-е лирическое отступление — о магии цифр. Александр Петрович придавал цифрам большое значение. Он на полном серьёзе не разрешал делать в диссертации, например, 4 или 6 глав («лучше 3, но можно и 5 или 7», — говаривал он). Поэтому и в воспоминаниях об Александре Петровиче я постарался использовать ту же самую магию цифр (7 воспоминаний, 3 лирических отступления, 3 жизненных урока).

1-е воспоминание. Я ещё школьник и вместе со своим первым и главным учителем Петром Петровичем Смолиным (ППС) я занимаюсь изучением птиц: мы работаем с коллекцией тушек в МОПИ имени Н. К. Крупской, собранной Александром Петровичем. В отличие от других коллекций в пединституте у А. П. Кузякина нам разрешали потрогать и подержать птиц в руках. Именно благодаря А. П. Кузякину мы все и стали орнитологами, потому что по иллюстрациям птиц не выучишь. Как я понимаю уже задним числом, Александру Петровичу, конечно же, было жаль испорченных нами тушек (дети!), но он как никто другой понимал и важность приобщения детей к природе. И в этом плане они с ППСом были солидарны. В тех воспоминаниях самого Александра Петровича Кузякина не было, но была его

фамилия и знак глубокого уважения к нему нашего учителя Петра Петровича Смолина.

2-е воспоминание. Оно также без А. П. Кузякина. Август, я не поступил в МГУ и разговариваю с Аркадием Савинецким. Он говорит: нынче вся наука сосредоточена в МОПИ у А. П. Кузякина. Если не будешь ждать год после окончания школы и снова поступать в МГУ, то иди к Александру Петровичу Кузякину в Московский областной педагогический институт имени Н. К. Крупской. И я пошёл... и поступил.

3-е воспоминание. Я – студент МОПИ имени Н. К. Крупской. У меня уже есть небольшие публикации (тезисы конференции), за плечами несколько полноценных полевых сезонов в Сибири, так что я себя ощущаю своим в зоологическом кружке, которым тогда руководил Александр Григорьевич Сорокин (тогда Саша Сорокин — аспирант Александра Петровича). Изредка на заседания кружка приходит и сам заведующий кафедрой зоологии — Александр Петрович Кузякин. Он всегда доброжелателен, но его комментарии очень целенаправленны и точны, он легко видит и силу, и слабость каждой научной работы. Мне повезло выступать со своим докладом в его присутствии ещё будучи студентом. С позиций возраста и опыта сейчас я понимаю, что, скорее всего, тогда я просто что-то с важным видом мямлил, но Александр Петрович был весьма снисходителен и даже похвалил моё выступление.

2-е лирическое отступление — о снисходительности к чужим и требовательности к своим. Именно у Александра Петровича я заметил интересную особенность, о которой в дальнейшем неоднократно читал в книгах о самых разных знаменитых и замечательных людях. Такие люди всегда были снисходительны ... к незнакомым людям. Например, Александр Петрович, в отличие от многих других преподавателей, был весьма доброжелателен по отношению к студентам. Он как бы мысленно говорил: «Ну что вы от него хотите, для него это замечательно ...». В то же время со своих учеников Александр Петрович «сдирает шкуру», если что-то было сделано не очень аккуратно. Об этом свидетельствует, например, опубликованное в этой книге письмо Александра Петровича с критикой книги Юрия Соломоновича Равкина, в которой Александр Петрович вежливо, но целеустремлённо «разбирает по косточкам» книгу и почти не оставляет «камня на камне». Такой требовательности к себе я не ощущал — это могли оценить только близкие ученики, а я ведь был всё-таки не совсем свой.

По-видимому, такие талантливые люди как А. П. Кузякин понимают, что их требования по «гамбургскому счёту» не могут быть применены к обычным людям, ведь они — обычные люди — не в состоянии полностью соответствовать идеалам. В большой степени такое снисхождение к обычным грешным людям было порождено влиянием любимой Валентины Ивановны, которая всегда бросалась на защиту всех учеников, как только чувствовала, что её муж становился слишком требовательным к ним.

4-е воспоминание. Я уже год работаю в Дарвиновском музее, научился водить экскурсии и добился нескольких реплик от опытных и давних посетителей музея — учителей о том, что они впервые услышали такое ясное и простое объяснение эволюционным закономерностям. Хожу, за-

драв нос, с чувством удавшейся жизни. И тут звонок от Александра Петровича с приглашением работать на кафедре зоологии родного МОПИ имени Н. К. Крупской.

Я был очень горд, что Александр Петрович пригласил меня к себе на кафедру. Да ещё и вести практические занятия к своему курсу. Конечно, я стал слушать Александра Петровича уже не как студент, а как преподаватель, учась не только содержанию, но и форме подачи материала. Александр Петрович был отличным рассказчиком. К тому же вся зоология получалась у него личностно окрашенной. Сейчас такой подход называют методом кейсов — техникой обучения, использующей описание реальных ситуаций, придающих теории жизненный практический аспект. Александр Петрович изобрёл этот метод преподавания, конечно же, сам, он видел в жизни очень много, поэтому и мог себе позволить после изложения какой-либо теоретической мысли добавить свои жизненные воспоминания.

Омрачает мои воспоминания только собственная глупость, из которой я впоследствии извлёк очень важный урок, помогавший мне всю жизнь. Как всякий молодой человек, не умудрённый жизненным опытом, я был слишком самоуверен и очень любил теоретизировать. Поэтому вместо того, чтобы разъяснять идеи лекций Александра Петровича, старался вставлять в свои практические занятия собственные идеи, собственные размышления. Мой первый опыт ведения практикумов заключался в том, что я ... читал свои собственные лекции и излагал там свои собственные мысли вместо того, чтобы практически продемонстрировать все идеи Александра Петровича. Спасибо Александру Петровичу за очень тактичные беседы. Урок я извлёк и всю жизнь, даже сейчас, постоянно ловлю себя на том, что вместо практики я опять пытаюсь рассказать всё сам, а не добиться, чтобы ученики попробовали понять это самостоятельно. И каждый раз у меня в мыслях рядом появляется Александр Петрович и очень вежливо говорит «Видишь ли, Сашенька ...». Так он меня и сопровождает с этим уроком всю жизнь.

Жизненный урок от Александра Петровича: попробовать сделать самому важнее, чем услышать готовый ответ от педагога.

5-е воспоминание. Я уже ассистент и сижу на заседании кафедры. Мы планируем научную нагрузку. Естественно хочется написать уже в этом году «общую теорию всего», поэтому планирую какие-то работы. Александр Петрович обязательно вмешивается и спрашивает: «Что уже сделано?» Отвечаю, что пока это только задумки и мечты и никаких рассуждений. Александр Петрович сердится и требует планировать только то, что уже давно улежалось в голове, что уже наполовину сделано и продумано.

Отсюда ещё один жизненный урок, усвоенный мной от Александра Петровича Кузякина. Вначале осознай идею, поразмышляй о ней, о её связях с известными теориями, продумай детали, потом только озвучь как идею, а когда проработаешь — планируй и делай. Короче «Семь раз отмерь — один раз отрежь». Этот жизненный урок я с благодарностью использую всю жизнь.

6-е воспоминание. Оно касается очень тяжёлого периода для Алек-

сандра Петровича — потере зрения. Для столь деятельного человека как А. П. Кузякин с его бесчисленными делами, учениками, «подкидышами», потеря такого важного канала связи с жизнью смерти подобно. Знаменитый учёный, изъездивший всю страну, видевший ВСЁ, вдруг теряет связь с миром, уходит с заведования кафедрой. Александр Петрович переносил это очень мужественно, хотя (особенно по началу) сжимал кулаки и «скрежетал зубами». В этот период мне повезло в общении с ним: мы с ним жили вместе на полевой практике, где проводили занятия: он со своей группой, а я со своей. Я в жизни сталкивался с разными руководителями, в большинстве случаев они очень любили, когда их сотрудники им помогали. Но не таков был Александр Петрович: даже в этой ситуации он всё делал сам. Хорошо с пониманием относились студенты: каждый день дежурные подходили к Александру Петровичу, планировали все действия, ведь любовь А. П. Кузякина к мелким млекопитающим и постановке давилок была всем известна.

Мы каждый вечер проводили вместе, сидели в его комнате, курили и разговаривали. Вернее, я слушал, а Александр Петрович рассказывал. Он был превосходным рассказчиком, а я уже к тому времени понял, что в жизни мне очень повезло и нужно «мотать на ус!», а не рассказывать о своих идеях. Так что этот период для меня был самым важным в общении с Александром Петровичем. Долгими вечерами он вспоминал свою жизнь и рассказывал о ней. Причём всегда к случаю подбиралось и воспоминание, в результате которого извлекался важный жизненный урок.

3-е лирическое отступление — о коллекционировании. Александр Петрович — замечательный и целеустремлённый коллекционер всего и вся. Начиная от рассказов, которые были прекрасно систематизированы по тем жизненным ситуациям, к которым они подходили, и урокам, которые из них извлекались. Заканчивая всеми делами, которыми он занимался. Александр Петрович всю жизнь продолжал собирать коллекции всех животных, которыми он занимался, от птиц, летучих мышей до бабочек. Дух коллекционирования сопровождал его всюду. Поэтому и важнейшая задача биогеографии, которую он поставил и решал всю жизнь — инвентаризация населения живых организмов ландшафтов суши — также по своей сути имела в основе коллекционный дух. Поэтому поиск информации о населении какой-либо группы животных какого-либо региона для Александра Петровича был равносителен ощущениям филателиста, гонящегося за редкой маркой, нумизмата, мечтающего увидеть редкую монету. Только в отличие от других коллекционеров А. П. Кузякина интересовал реальный облик населения животных, который определяют фоновые виды — доминанты. Убеждён, что без такой страсти коллекционера Александру Петровичу не удалось бы увлечь такое огромное количество людей решением новой задачи — созданием ландшафтной биогеографии.

7-е воспоминание. Я был аспирантом Александра Петровича. Но правоверным и полным последователем А. П. Кузякина я не стал, так как на меня поначалу оказывал влияние Ю. С. Равкин — хоть и ученик Александра Петровича, но идущий своей дорогой. В дальнейшем большое влияние на меня оказал Александр Сергеевич Раутиан, научивший меня видеть

эволюционные проблемы даже в экологии, описывающей современную ситуацию в окружающем мире. А ведь у Александра Петровича были свои особые отношения с эволюционной теорией (и особенно с Эрнстом Майром). Я чётко понимал, что не всё в моей диссертации понравится Александру Петровичу. Однако Александр Петрович высказал терпимость. Он отметил, что из 5 (естественно!) глав моей диссертации 4 его вполне удовлетворили, хотя там и было много экологических материалов. Лишь одна глава Александру Петровичу не понравилась, но общий баланс 4 «за» — 1 «против» А. П. Кузякина удовлетворил, и он меня благословил. Конечно, мелких замечаний было море, и они практически все были очень корректными и грамотными, в итоге Александр Петрович мной даже гордился. А ведь это уже был период болезни, когда обычные нормальные люди давно сдаются.

Отсюда ещё один важный жизненный урок от Александра Петровича Кузякина — настоящий человек никогда не сдаётся. Александр Петрович до самого своего конца продолжал быть настоящим Учёным, настоящим Учителем и настоящим Человеком.